

Как наполнить закрома?

В докладе открывшемся 5 марта 1962 года в Кремле привычно многолюдному, со множеством приглашенных, Пленуму ЦК отец подводит итоги 1961 года, но больше говорит о будущем.

Сиюминутный резерв, позволяющий увеличить заготовки сельскохозяйственной продукции, он видит в чистых парах, в незасеянных полях, отдыхающих от прошлогоднего урожая. Согласно теории, их следовало занять люцерной, ее корни набирают азот из воздуха и так восстанавливают плодородие, но на деле пары зарастали бурьяном. Отец подсчитал: под парами и травами ежегодно «простаивает» 52 миллиона гектаров, на 20 миллионов гектаров больше, чем распахали на целине. Дальше он подробно цитирует академиков Прянишникова и Тулайкова, ссылаясь на опыт Запада, где «урожаи подняты до высоты 28 центнеров с гектара без участия травополья». Отец предлагал сохранить травяной севооборот, с обязательной люцерной и клевером только в засушливых и иных проблемных районах на 5 – 10 миллионах гектаров, где без чистых и прочих паров не обойтись, а остальные 40 миллионов использовать для приращения урожая, распахать, засеять кукурузой, бобовыми, сахарной свеклой. Начать необходимо без раскочки. Уже в этом, 1962 году, «освоить» первые 22 миллиона гектаров. Семена он найдет. При урожайности в 10 центнеров с гектара получалась прибавка к урожаю в 50 миллионов тонн, столько, сколько зерна заготавливается в среднем по стране за год. В результате удастся не только удовлетворить возрастающие потребности все увеличивающегося населения страны, пополнить оскудевшие государственные резервы, но и наконец-то разрешить «неразрешимую» проблему кормов для животноводства. Однако за расставание с травополем придется заплатить. В новых условиях приличные урожаи могли обеспечить только минеральные удобрения, а их в 1962 году, произвели всего 22 миллиона тонн, не более 300–400 килограммов на гектар пашни, в несколько раз меньше, чем в США, не говоря уже о Европе. Отец сказал, что они в Президиуме ЦК уже договорились собрать специальный Пленум и принять план быстрее увеличения производства удобрений.

Возможно, и следовало повременить с отказом от травополья, дожидаться пока выстроят новые химические заводы, а уж тогда... Такая последовательность формально логична, но ни один реформатор не следовал формальной логике. А тот, кто следовал, никогда не становился реформатором. Не следовал, да и не мог следовать ей и отец. Времени на ожидание у него не оставалось, дополнительное зерно, хлеб, корма требовались немедленно.

С весны 1962 года началось повсеместно наступление на травополье. Сопровождалось оно бесконечными сражениями, и с той и с другой стороны выступали ученые с громкими именами, я уже называл Наливайко с Бараевым. Как всегда в России, не обошлось и без перегибов. В одних регионах ретивые местные начальники распахивали любую заросшую травой пустошь. В других – активные сторонники традиционно-травопольного земледелия откровенно саботировали указания центра, ожидая, когда в Москве пошумят и успокоятся.

Отец одергивал слишком ретивых, подталкивал ретроградов, в общем, с головой погрузился в новую кампанию, обещавшую, как ему казалось, скорый успех.

Отказ от травополья – лишь эпизод в реформировании сельского хозяйства. Прав ли был отец или его оппоненты-традиционалисты, не берусь судить, я не специалист. Среди критиков отца тоже преобладают не агрономы-специалисты, а люди далекие от земли. Кто только не высказывался в пользу травяного севооборота, у всех, от поэтов до дипломатов, на

С. Н. Хрущев. «Никита Хрущев. Реформатор»

этот счет имеется свое суждение. Я же могу только повторить: отец, приняв сторону одной из школ, как и прежде, отталкивался от опыта европейских и американских фермеров, давно покончивших с черным переделом. Он считал: что хорошо для Германии и Америки, принесет успех и Советскому Союзу. Вот только с удобрениями не следует затягивать.